

«ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ И ОЧЕВИДЦЫ...»

В 2014 году мир отмечает столетие одного из центральных событий российской и мировой истории XX века. «Эта беспримерная война» (по выражению Николая II) оказала решающее влияние на ход истории. Для России оно выразилось в катастрофическом переломе поступательного (пусть и исполненного внутренними конфликтами) развития страны.

Исследования, проведённые в преддверии столетия начала Великой войны, позволяют говорить о том, что, вопреки распространённому мнению, для профессиональных историков Первая мировая война никогда не была забытой. Её историография (и именно отечественная) насчитывает десятки публикаций источников, тысячи исследовательских монографий и статей.

В последние годы на первый план в изучении такого рода эпох выступают историко-антропологические исследования, призванные выявить в том числе психосоциальную динамику происходивших процессов.

Все основные силы российского общества не раз обращались к оценке характера Первой мировой войны. Конечно, крайне важным представляется дать, наконец, исчерпывающий анализ системы мировоззренческих, политических и социокультурных воззрений по всем основным аспектам войны, имевшихся у представителей властных структур и у российского общества (у консервативных, либеральных и леворадикальных кругов).

Но если мы сегодня вполне можем говорить о достаточно высокой степени проработанности вопроса о настроениях и воззрениях элит, то содержание и эволюция массового сознания в этот период всё ещё остаются малоизученными. Солдаты русской армии, выходцы преимущественно из крестьян, этого подавляющего большинства населения Российской империи, всё ещё не обрели права голоса ни в нашей историографии, ни в нашей исторической памяти. Вовлечение в научный оборот источников личного происхождения, возникших в этой среде, позволит подойти и к пониманию происхож-

дения революционного экстремизма — повсеместно проявившегося в социальном поведении масс в годы революции и Гражданской войны. С другой стороны, это необходимо для более глубокого осмысления феномена патриотического поведения, неоднократно проявленного русскими солдатами на фронте.

«Мы, наше поколение, живые свидетели и очевидцы совершающихся событий, и на наших впечатлениях будет базироваться потомство в приговоре о мировой войне», — так высказался современник событий публицист Михаил Осипович Меньшиков о значении непосредственных свидетельств реальных участников событий. Это высказывание в равной степени относится к представителям всех социальных слоёв той эпохи.

Изучению влияния Великой войны на формирование мировоззрения и самосознания масс — то есть ментальных и психосоциальных предпосылок происшедшего в 1917-м социального переворота — долгое время препятствовало гипертрофированное внимание к событиям 1917–1920 годов и Гражданской войны. Но сегодня эта тема выдвигается в исследованиях на первый план, видимо, потому, что позволяет более объёмно проанализировать процесс делегитимизации правящего режима, который привёл к краху дома Романовых. Такого рода исследования позволяют отойти от широко укоренившихся представлений о революционных событиях той эпохи — заключённых в рамках очередной конспирологической теории или сводящихся к некоему «магическому акту, произведённому руками всесильного меньшинства». Историкам ещё предстоит ответить на вопрос, в какой степени российские революции были порождены дезинтеграцией и делегитимизацией власти и утратой ею контроля за происходившими в империи политическими и социальными процессами.

Что происходило в сознании людей — довольно быстро перешедших от безоговорочной поддержки политического режима и войны к полному отрицанию власти монарха и отказа от поддержки идеи войны — вот за-

дача, которая стоит перед российскими историками. Пафос единения страны и общества перед внешним врагом довольно быстро уступил место другому. Вместо «пламени жаркой любви — любви к родине, к своему народу» (Борис Викторович Савинков) — «величайшее нравственное и духовное разъединение... У всякого своя, особая цель в жизни, свой интерес, отдельный от других...» (Иван Александрович Ильин).

Развал государственности происходил рука об руку с процессом разложения армии. Какова была динамика солдатских настроений, какие факторы общественной жизни сказывались на ней — эти проблемы ещё ждут своих исследователей.

В фондах РГАСПИ отложилась довольно значительная подборка «голосов с фронта». В 1917-м солдаты часто писали в различные инстанции, и мы публикуем письма, хранящиеся в фонде Бюро печати при ОК, ЦК РСДРП.

Специалистами уже отмечался тот факт, что утверждение советской историографии о повсеместном распространении в 1917 году в солдатской среде пацифистских настроений является известным преувеличением. Например, в письмах в Петроградский Совет лозунг «Долой войну» встречается лишь незначительно чаще, чем революционно-оборонческие¹. Этот раскол прослеживается и в документах, хранящихся в РГАСПИ.

То же можно сказать и о распространении революционных настроений. И здесь был налицо раскол солдатской массы, иллюстрируемый одним из публикуемых ниже писем: «Довольно бунтовать слабых из нас, довольно порождать между нами, малоопытными, вражду и рознь, грозящие привести нас к внутреннему кровопролитию и к лишению яркого солнышка — молодой Свободы». Этот крик души одного из представителей социальных низов, датированный июлем 1917-го, к сожалению, не был услышан элитами, что сыграло определяющую роль в развернувшихся затем событиях.

Примечания

1. Булдаков В. П. Красная смута. М. 2012. С. 220.

Первая мировая война повлекла за собой огромные человеческие, моральные и материальные жертвы, но для большинства наших соотечественников она до сих пор остаётся во многом неизвестной. До сих пор крайне мало внимания уделяется оценке боевого духа русских солдат, настроению, царившему в действующей армии. Перед нами не предстаёт обычный солдат этой войны, его горести и трудности.

Пожалуй, самым лучшим способом понять, чем жили солдаты, является обращение к их письмам. Публикуемая ниже их подборка относится ко времени после Февральской революции 1917 года, которая открыла в истории России новую эпоху. Вся страна была охвачена митингами, демонстрациями и ожиданиями дальнейшей демократизации. Как свидетельствуют письма, в большинстве своём солдаты разделяли эти чаяния. Многие ожидали полной демократизации армии: «Демо-

«ЗНАЙТЕ: АРМИИ НЕТ...»

крат — значит сторонник народовластия. Демократическая армия — это такая армия, действия которой согласуются с требованием её бойцов, и порядки в ней такие, что один человек по своему усмотрению не может ни двигать войска куда-нибудь, ни арестовывать кого или расформировывать и вообще произвести давление»¹.

Но другие видели в происходящем совсем иное. В одном из писем солдат заявляет: «Знайте: армии нет. Она уничтожена головокружительной «демократизацией». Раз армии нет, то к чему эти организации, мандаты, конфликты, комиссии...»² «Вы там на Съездах Советов разлагаетесь — о каких-то скрупулёзных политических мелочах, а главного не видите — армии

нет. Есть только 10 миллионов аппаратов для переваривания последних остатков хлеба, 10 миллионов невольных дармоедов, дармоедов разбойничающих, бесчинствующих, хулиганствующих»³.

В письмах, присланных в 1917-м в газеты, сквозит непонимание солдатами целей войны; всё чаще звучит слово, объединяющее всех и на фронте, и в тылу, — мир. Долгожданный мир становится одной из главных тем писем с фронта.

Публикуемые документы воспроизводятся с сохранением стилистических особенностей источника, с соблюдением общепринятых правил орфографии и пунктуации. Выявленные опечатки исправлены и не оговариваются. Все подчёркивания, встречающиеся в документах, воспроизводятся в публикации.

*Публикацию подготовила
специалист 1-й категории РГАСПИ
Вероника ЛИНЬКОВА*

Документ 1

15 июня 1917 г.

В Исполнительный комитет Всероссийского Совета

Крестьянских Депутатов мною послан нижеизложенный призыв. Послан одновременно с сим заказным порядком.

Товарищи! Я тот соплеменник Ваш, я тот один из десятков и сотен тысяч крестьян, которые принесли на алтарь дорогого отечества, на защиту России всё своё дорогое: здоровье, силы, даже детей, жён, матерей и свое убогое состояние.

Я крестьянин, я мужик из деревни того глухого, тёмного угла в Гродненской губернии, где борьба за жизнь, не говоря уже о свободе, стоила великих подвигов и живя где, я от России ничего получить не мог и не получал. Однако в дни великой борьбы России за существование, за могущество, за независимость я, не щадя, отдал всё, что мог, что имел. Отдал не оспаривая и сознательно. Отдал потому, что этого требовала от меня Родина для счастья всех её сынов и дочерей.

Лишившись здоровья за два с лишним года скиту в окопах, лишившись матери, жены и двоих детей, ставших добычей ужасной смерти от бедноты, голода и холода в дни великого отступления (бегства) в 1915 году, лишившись, наконец, брата, положившего свою голову в сражениях под Лодзью, я, за себя, наполовину парализованного, и за них, прахом лежащих в земле, взываю к Вам, товарищи-крестьяне:

Проснитесь, откройте глаза на происходящее и твёрдо станьте на защиту судорожно трепещущей Родины.

Против врага внешнего наши братья (и только наши), наши сыны и товарищи верно стоят на страже, защищая Родину с фронта.

Вы же избранные наши в тылу, Вы же вершители наших судеб, Вы, как представители Крестьянства, — главного оплота России, пролившего море пота и крови, трудясь в рабстве, найдите в себе мужества защитить свою Родину внутри, от врагов внутренних — наёмников Вильгельма.

Неужели же Вы не слышите и не чувствуете, как содрогается земля Русская от тяжести пребывания на ней этих шпионов-провокаторов, этих верных слуг проклятой миром шпионской нации Немецкой. Неужели, наконец, Вы не понимаете или не хотите понять, что шпионы Кржавого Вильгельма не только собирают сведения военного значения, не только взрывают мосты, фабрики, заводы и

морские суда, но и, нося звание (особое звание) шпионов-провокаторов, они энергично стараются сеять в нашей среде Зло, клонящее многих нас, несознательных, слабых, недогадливых, к внутренней вражде и борьбе с верными и честными нашими руководителями. Неужели же, в конце концов, Вы далеки от понятия, что задачи шпионов-провокаторов — помешать нашей общей сплочённости и разорнить нашу военную мощь.

Товарищи-крестьяне! Защитите сами себя, защитите тех из нас, которые слабы сознанием в важности переживаемого момента, которые, не понимая, допускают этих провокаторов мотаться в утомлённой и без того душе нашей.

Встряхнитесь от тумана, осмотритесь вокруг себя и как истинные сыны Родины громко и настоятельно прокричите: «Требуем немедленного изгнания из России наёмников Кржавого Вильгельма — Лениных, Троцких, Луначарских, Каменевых, они же Ульяновы, Нахамкесы, Бронштейны и компания. Мы, истые борцы за честь, за независимость, за свободу России, не можем больше терпеть у себя на Святой Русской Земле предателей, посланцев немецкой шпионской нации».

Довольно бунтовать слабым из нас, довольно порождать между нами, малоопытными, вражду и рознь, грозящие привести нас к внутреннему кровопролитию и к лишению яркого солнышка — молодой Свободы.

О том, что компания эта есть группа шпионов-провокаторов, не видеть и не слышать может только слепой и глухой. Эта группа сама за себя говорит, что она шпионская организация, выполняющая энергично задания нашего врага — немца. Она каждый день почти указывает нам на это, а мы, воображая себя добродетелями, молчим, наблюдая лишь, как они зло роются в нашей душе.

Братцы! Возьмитесь энергично, дружно, призовите себе на помощь тех слабых сознанием, себе равных по положению и таким же смертных, кои заблудились провокаторско-шпионской пропагандой, и, сплотившись, воспитайте родившуюся долгожданную свободу, так чисто и мирно воспитываются нами наши же дети.

В России, в дни, когда устраивается будущность наша, не место наёмникам немецким. Если же они дерзают оспаривать свою честность и доброжелательность к нам, то пусть они, не жалея себя, займутся своим учением в той же Германии, откуда принесла буря их к нам.

Нам же учение их как рождённое не у нас, как учение чисто Германского толка, не нужно:

Пусть они едут обратно и там, в Германии, пусть пропагандируют свои идеи, там им место «разъяснять, учить» и вызывать революцию. Здесь же, у нас, они только контрреволюционеры, жаждущие за немецкие деньги нашей крови.

Без них мы создали себе свободу, сумеем и без них поставить на должную высоту себя.

Избавившись от них, мы со спокойной душой и чистой совестью, без страха за контрреволюцию, услышим свой собственный голос и голос тех, кто действительно томился и ждал вместе с нами свободы, кто за нас страдал у нас же в России и, страдая, вместе разделял чувства ненависти к деспотизму, кто понимал тогда и понимает теперь нашу душу и жажду свободы, а поэтому и знает, что нам нужно и что нам страшно.

Я далёк от жестокой расправы с такими отщепенцами, мести я не желаю и судить их не хочу, я взываю только о том, чтобы их изгнать из среды нашей, изгнать как вредных, как наемников Вильгельма, как таких же, каким оказался Роберт Гримм — коллега их шпионской организации.

Присланы они Германией и присланы только для того, чтобы возбудить нас, крестьян, к внутренней вражде. Наши цветы, наши лучшие силы защищают Родину извне, они от нас отозваны, а мы, слабые, оставшись здесь, бессильны словами лишь противостоять провокаторам.

Проснитесь, братья, пора.

Надоели шпионы.

Крестьянин Ефим Хомюк.

Писано под мою диктовку. Ответственен я. Временно я на ст. Новохованск, Николаевской ж.д., Невельского уезда. Постоянно живу в г. Орше, Витебская, 11.

РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 37. Л. 41–47. Подлинник. Автограф. Чернила.

Документ 2

Прошу редакцию «Окопной Правды» не отказать.
Что делать, если так.

Скоро год, как Русь скинула с плеч царский произвол, и казалось тогда, что настали те желанные времена, когда можно всё что угодно говорить и писать, словом, полная свобода, и почти все были согласны, что у нас всё должно быть теперь устроено демократически; но вместо ожидаемых демократических порядков, воцарилось буржуазное временное правительство, которое, по-видимому, чувствует антипатию к свободе и проводит не то, что нужно, и не так, как желал бы народ. Пользуется приёмами старого режима (смертная казнь, арест без доказанных обвинений, запрещение некоторых газет). Пошли бесчинные грабежи, и контрреволюция подняла было уже свою голову. Кадеты и партия народной свободы сначала тайно, а теперь явно ведут борьбу с народом, чтобы покрепче сесть на его шею; они делают не то, что нужно для благоденствия народа, а, наоборот, опять терзают его и смеются над ним. Всё это от того, товарищи, что мы ещё на полпути находимся, мы свергли царский гнёт, а оставили почти всё по-старому, а главное, те же самые сторонники монархии, начиная от генерала и кончая капитанами, капиталистами и попами, находятся у власти и творят по-прежнему насилие.

Демократ — значит сторонник народовластия. Демократическая армия — это такая армия, действия которой согласуются с требованием её бойцов, и порядки в ней такие, что один человек по своему усмотрению не может ни двигать войска куда-нибудь, ни арестовывать кого или расформировывать и вообще произвести давление. Для того, чтобы у нас была в полном смысле демократическая армия, нужно, чтобы какой-нибудь частью или армией не командовал один человек и тем более старорежимник. (Товарищи, все генералы и офицеры мирного времени ярые кадеты или монар-

хисты по очень простой причине: ведь они до самых костей и мозгов пропитаны деспотизмом, они даже вообразить не могут свободную гражданскую жизнь, им кажется совершенно правильным лозунг «разделяй и властвуй», главное, не могут они спокойно расстаться с теми привилегиями, какие они имели при старом режиме. Они и стараются отсрочить учредительное собрание и если не совсем сорвать, то постараются провести туда побольше буржуйчиков). Все обязанности их нужно разделить по отделам, не касаясь друг друга, как то: строевой, хозяйственный, чисто оперативный и т. д., и чтобы каждым отделом управлял бы не один человек, а комитет,

выбранный солдатами. И над всеми этими органами поставить особую контрольную комиссию, которая должна вести все дела, контролировать правящие органы и быть ответственной перед общим собранием (народом). Вот при таком устройстве, которое называется демократическим, никто не смог бы злоупотреблять народом. Не смог бы Керенский начать наступление без согласия всей армии, не смог бы Корнилов двигать войска на революционный Петроград или отдать Ригу по своему усмотрению и внешняя политика велась бы так, как хотели. И так, если в армии как передовом отряде революции мало демократического, то в деревнях его совсем нет, там весь народ находится в руках гнусных попов и кадетских агитаторов. Так вот, нужно, товарищи, чтобы эти народные паразиты потерпели крах в своих подлых делах и чтобы попы раз и навсегда перестали совать свой нос в светские дела (они фактически вмешивались и вмешиваются в государственные дела). Нужно произвести полную демократизацию страны, чтобы свобода наша была обеспечена, чтобы социализм восторжествовал. Не так ли? А если так, то нужно стараться провести во все организации таких людей, которые к этому стремятся, а к этому стремятся только партия социал-демократов большевиков, за которых мы всегда и везде должны голосовать, как истинных защитников народа. Тем более как такой орган, как учредительное собрание, от которого будет зависеть будущая жизнь страны, то необходимо всем, кому интересна жизнь народа написать в деревню всем родным и знакомым, чтобы голосовали за с.-демократов большевиков. Потому что только они дадут мир, они ведут отчаянную борьбу: против буржуазии всех стран в пользу пролетарии всех стран и против империалистической войны. Буржуазия с самого начала революции начала преследование их, да не будет этого, товарищи, потому что восьмимесячный опыт показал, что они правы.

М. Афендииков.

РГАСПИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 16–17. Подлинник. Автограф. Чернила.

Документ 3

12-го июня 1917 года.

За что меня схватили по-романовски.

Товарищи. Позвольте мне, свободному гражданину, высказать свои политические убеждения беспристрастно. Я противник большевиков, но где мне приходилось отстаивать свои взгляды и доказывать неосуществимость большевицкой программы — всюду дело кончалось миром, и мы расходились. В воскресенье же 11-го сего месяца, идя по Большому Сампсониевскому проспекту, против церкви Сампсония я услышал враждебные выпады по адресу Временного Правительства и, в частности, против товарища Керенского, считая его продавшимся буржуазии. Я, вопреки постановления Временного Правительства, Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и Крестьянского комитета о запрещении сборищ на улице, имел неосторожность присоединиться к толпе и возразить в защиту Временного Правительства и Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, доказывая, что такие люди, всю свою жизнь посвятившие на служение народу, страдавшие за идею и убеждения, не способны торговать своей совестью. (Я назвал имена А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, Гегечкори, Авксентьева, Скобелева). Толпа, извративши смысл моих слов, закричала «А ты приверженец, буржуй несчастный, прихвостень буржуазии, плехановец тебе война до победы». Когда я попробовал возразить на это, доказывая их несправедливость в извращении смысла сказанного, доказывая, что я революционер и стою под знаменем, на котором написано «Мир без аннексии и контрибуций», но меня не хотели слушать, раздались крики «Тащи его, чего с ним рассуждать, оденем в шинель, так он заговорит иначе». Вопрос стал — куда тащить. Подходит

товарищ пулемётчик 1-го Пулемётного полка, хватает меня за плечо с криком «К нам, мы там его срядим». Я, конечно, запротестовал против насилия, доказывал, что шинель солдата не арестантский халат и что я иду, надеясь на правосудие, а собравшиеся в этот момент, не преминули возможностью удобного случая ударить меня с криком «Провокатор, буржуй несчастный». Повели. Не дойдя ещё казарм Гвардии Московского полка, ведшие меня пулемётчики решили сдать меня в распоряжение Московского полка. Когда же подошли к воротам, вызвали члена Комитета, который не счёл себя вправе задерживать вольного человека, упомянув при этом — кто задержал, тот пусть ведёт к себе, а у нас не этапный пункт. Пулемётчиков же в этот момент не оказалось, а так как одни бросили меня, другие не приняли, я счёл нужным уйти. Но осуществить это мне не удалось. Толпа набросилась на меня и стала бить. Опомился я уже во дворе казарм Гвардии Московского полка, при словах дежурного офицера, который объявил мне, что по настоянию граждан и солдат он вынужден меня задержать до решения батальонного Комитета. Я, конечно, согласился, ибо иного выхода не было. Голосованием решили посадить меня на гауптвахту, что и не замедлили исполнить. Всю ночь — первую в жизни — я провёл за решёткой, и это за то, что говорил, как свободный гражданин с себе подобными. На следующий день, 12-го июня, в 9 часов 30 минут утра собрался президиум Батальонного Комитета, который, разузнав, в чём дело и не найдя за мной вины, извинившись, объявил меня свободным, удостоверив при этом запиской с приложением печати и за подписью председателя Комитета. Характерно и то, что граждане, задержавшие меня, вдруг пропали, и, несмотря на предупреждение товарищей Московцев придти завтра, 12-го июня, для дачи показаний — почему то не явились. Всё это произошло не где-то в Царёвококшайске, а под боком Законодательной власти — на Большом Сампсониевском проспекте Выборгской стороны. Кто же населяет эту часть города?

Гражданин В. А.

Петроград.

РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 37. Л. 27. Подлинник. Машинописный текст. Автограф.

Документ 4

Действующая Армия. 6 мая 1917 г.

Товарищи, часто приходится слышать колкости, которые бросают большевики меньшевикам, и наоборот. Долой всё это, если вы расходитесь в тактике, то цели одни, и я заявляю: вы, меньшевики, не отставайте, а вы, большевики, не заскакивайте далеко вперёд, считайтесь с обстоятельствами, вдруг не создать ничего. Я нахожусь с начала войны на позиции, не эвакуировался, не успел оправиться, опять сюда попал. Я думаю, кому другому, а мне уже очень это всё надоело, но и с самого начала я пошёл не добровольцем, а с проклятьями, зная, что иду за тирана и за корыстные цели буржуазии. Но всех ослепили тем, что мы идём защищаться от порабощения. Между тем сами были в рабстве у своего вампира и буржуазии.

Нам говорили, что будут по нашим спинам гулять германские плети. Между тем гуляли по нашим спинам нагайки наших крепостников. Товарищи говорили: это дураков образуют, другие говорили, что умных стало много. Перебьют, а потом в страхе Божиим будут воспитывать молодое поколение. Кто прав, судите сами. Приходилось терпеть, молчать и ждать. Один в поле не воин, и вот прозрели все сильные, даже Пуришкевич и тот стал либералом. Товарищи, теперь нужно просвещать тёмный народ, и нужно единение. Ленин думает, что кучкой маленькой можно всего достигнуть, но если бы можно, то бы мы, несколько десятков, например, в полку, сделали бы что в самом начале войны. Но мы проводили, агитировали, разъ-

ясняли товарищам обман; что можно было сделать, когда те, кто называли себя социалистами, те были против нас?

Сердце кровью обливалось, когда какой-нибудь Бурцев призывал к войне до конца, но во имя чего Милюков с Протопоповым в Англии пили шампанское за наше здоровье, а у нас иной раз с бола лота нельзя было напиться? Те, кто сам не испытывал, не понимали нас. Хорошо, я согласен выстрадать, не зная за что, но солдаты у нас говорили так. Всё равно, хоть Колька, хоть Вилька будет нами править, а шкуру с нас всё равно будут драть. Все наши товарищи умирали с проклятиями на устах и нам завещали мстить. Также я слышал, как один без руки, был вместе со мной на комиссии, говорил: на кой чёрт мне нужна Варшава, пусть всю Польшу забирают, только руку обратно дадут. И ещё нас же упрекали господа Буржуи, что мы не любим своей родины, а они любят. Затесались в тёпленькие места и кричат: «Война до конца». Этим они родине вред принесли, а не пользу.

Товарищи Ленинцы, вы не имеете право назвать меня Плехановцем, но с вами я не согласен, нужна дружная работа всей демократии на общую пользу. Действуйте сообща, наш враг буржуазия, кто не против нас, тот за нас. К сожалению, я не имею честь принадлежать к рабочему классу, но я, скажу, был торговцем и я тоже трудился по-своему⁴. Неправда, что именно одни рабочие имеют право называться борцами революционерами. Я призываю к единению всех граждан, кому дорого право и справедливость. Нам нужно отмежеваться от Милюкова, но Керенский с Лениным должны подать друг другу руки. В газете «Правда» я читал, что торговцы и т. п. — это мелкая буржуазия, но я скажу, что сейчас рабочий иной зарабатывает ну хотя и 50 руб., то и торговец не более. Нужно, товарищи, различать кулаков от тех, которые трудятся и зарабатывают. Не больше вас до войны я был торговцем, а после войны, быть может, найду другое дело. Я, конечно, мало знаком с партиями, но, я думаю, соц[иалисты]-рев[олюционеры] будут мне скорее по сердцу и по душе. Товарищи, все, кому дороги интересы всех трудящихся, объединяйтесь, не разменивайтесь на мелочи. Я, быть может, во всём согласен с Лениным, но он рвётся в облака, Плеханов пятится назад, а кто-то тянет в воду. Не лучше ли запрячь лошадей или двинуть самим, и вы, лидеры, оставьте свои самолюбия. Вы заврались до того, что принципиальные споры отошли на задний план, а подняли какие-то ссоры. «Правда» ругает «Рабочую

газету» и наоборот, а мы малосознательные, не можем понять, что это такое, кому это всё нужно.,

П. Савельев. Долой войну.

РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 59. Л. 14–15. Подлинник. Автограф. Чернила.

Документ 5

Товарищи, я пишу Вам всё то, что слышу и вижу среди солдат, рабочих и крестьян, в чём вы сами можете сказать: верно! Был я дома в отпуске. Наши жёны и отцы говорят: нужно заключить мир без захватов чужой земли и без уплаты за военные убытки. И соглашаются восстановить разорённое войною население, посылая туда рабочих, строительные материалы и продовольствие. Был в запасном полку, где слышал от солдат то же самое, что сказано выше. Но на митингах Высший и средний класс говорит другое; нужно удержать свободу и революцию, немец хочет отнять свободу и т.д. А сами для войны ничего не хотят делать. А в настоящее время нахожусь в действующей армии.

Товарищи! Все мы напитаны одним духом, но мы не можем сказать своё мнение, потому что на нас бросают незаслуженный упрёк. Говорят: вы темны и неграмотны и т.д. Товарищи, это ложь! Все мы можем понять, если нам будут говорить и писать по-русски, а у наших учителей есть политические слова. Для нас эти политические слова никакую пользу не приносят.

Товарищи! Нам нужно организоваться всем воедино и сказать: «Долой политических слов»!!! Тогда везде нам будет понятно и доступно, а то про нас везде в печатях пишут то, чего мы совершенно нет и не хотим. И сами письменно не можем сказать, что это неправда. Почему не можем? Опять не знаем политических слов и потому и боимся сказать говорящим против нас.

Товарищи! Вы сами читали и слышали, как говорят о вас. Армия боеспособна, дух и настроение армии наступательные. Это ли не ложь? Так говорят только батальоны смерти, они называют себя любящими родину, говорят: умрём за родину. Неужели мы — не батальоны смерти — есть изменники родины? Рассуждая такие распоряжения высших властей, растёт недоверие солдат к командному составу. Дейст[вующая] арм[ия], 219 Котельнического полка, 12 роты пополнения. Кирилл Анисимов. Сочинил.

РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 59. Л. 52–53. Подлинник. Автограф. Чернила.

№ 6

В дни войны.

Война — это гибель для народа,
Много жертв она несёт.
Кровью добытая свобода
Не может сбросить этот гнёт.

Сколько сирот от ей осталось
А вдов? Не сосчитать!
Калек безруких и безногих —
На свет бояться выпускать.

Стрельба что день, то всё сильнее,
Всё больше жертв — народных масс.
Война становится всё тяжелее!
Всё больше давит она нас.

Народ царя уже убрал,
«Долой войну» тогда сказал

Не нужно, чтоб друг друга били,
И так довольно нас уже сгубили.

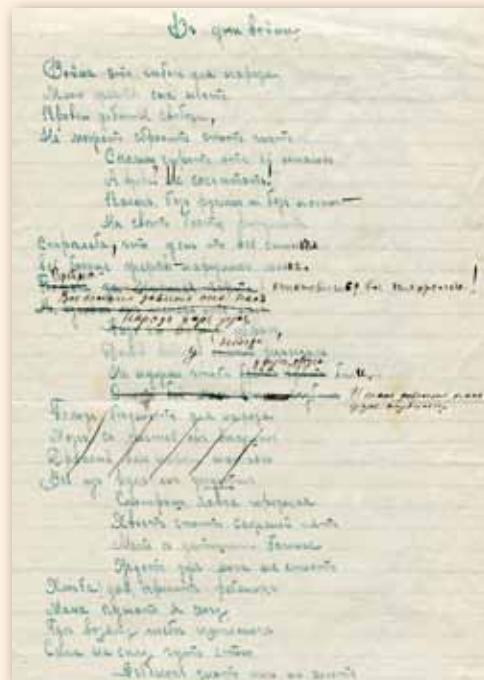
Смотришь, лавка городская,
Хвост стоит саженой пять.
Мать с детишками больная
Ждёт, уж мочи нет стоять.

«Хлеба! Дай, — кричит ребёнок. —
Мама, кушать я хочу».
«Где возьму тебе, цыплёнок,
Сама насилу чуть стою».

Ребёнок знать того не хочет,
Голод мучает его
А министры всё толкуют,
Продолжать хотят войну...

Леонтий Абезгауз

РГАСПИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 122. Подлинник. Автограф. Чернила.

Примечания

1. РГАСПИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4.

Л. 16.

2. Там же. Д. 54. Л. 46.

3. Там же. Д. 59. Л. 47.

4. Текст зачёркнут синей ручкой.